

АРХАНГЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ КАЗАНИ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
yelena.mironova@yandex.ru*

В статье описано превращение Архангельского кладбища из погоста пригородного села в крупный городской некрополь. Кладбище существовало, по крайней мере, с середины XVIII в. Первоначально оно обслуживало село Архангельское и близлежащие села, находившиеся в приходе местной Михаило-Архангельской церкви. Однако уже с XIX в. на кладбище стали хоронить умерших городской Суконной слободы, а затем оно вошло в состав города. Вплоть до середины XIX в. за состоянием кладбища практически не следили, и зачастую похороны совершались без всякого учета и соблюдения санитарных норм. Лишь с переходом в ведение Казанской городской думы дела кладбища стали приводиться в порядок. В советские годы оно становится последним приютом для репрессированных и погибших советских военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Его территория расширяется, но рельеф местности и ближайшая застройка не позволяет развиваться этому процессу. На данный момент кладбище является одним из крупнейших некрополей Казани. Автор объясняет столь возросшее значение кладбища выгодным местоположением, а также тем обстоятельством, что оно стало мемориалом для репрессированных и погибших солдат Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Казань, Архангельское кладбище, некрополи, село Архангельское, Михаило-Архангельская церковь, репрессированные

Для цитирования: Миронова Е.В. Архангельское кладбище Казани: опыт исторического исследования // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 137–148. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.137-148

Архангельская куртина (такое именование использовалось до середины XIX в.) располагается на пересечении современных улиц Хади Такташа и Даурской в Приволжском районе города Казани. На его территории находятся монумент «Воин», композиция «Звезда», мемориал жертвам политических репрессий. Дата возникновения некрополя достоверно не установлена. Название закрепилось по располагавшейся рядом церкви Михаила Архангела. От нее же пошло название села, при котором находилось кладбище Архангельское – Архангельская слобода. Скорее всего, поселение существовало еще во времена Казанского ханства. В писцовой

книге Казанского уезда 1647–1656 гг. приводится старое татарское название: «За митрополитом Симаном Казанским и Свяжским в вотчине: Село Архангельское подгородное на озере на Кабане Среднем, что была деревня Кулмаметева» [15]. Селение упоминается и в более ранних документах – в писцовых книгах 1565–1568 гг. Тогда здесь числился 1 крестьянин, а в 1623–1624 гг. – 606 человек [20, с. 180].

Село Архангельское еще до включения в состав города зачастую именовалось слободой. Это объясняется составом населения, которое включало в основном ремесленников – каменщиков, кожевников, кирпичников и пр. [20, с. 180] До середины XVIII в. село принадлежало Казанскому архиерейскому дому. В 1764 г. была проведена секуляризационная реформа, и крестьяне перешли в статус экономических, принадлежащих государству. В 1827 г. село вошло в состав Казани и постепенно превратилось в Архангельскую улицу [22, с. 93]. Сохранялось старое название села – Архангельская слобода.

Архангельское кладбище интересно своим превращением из сельского погоста, на котором хоронили преимущественно крестьян, в современное городское кладбище. Хотя некоторые исследователи считают, что оно существовало уже в XVII в. [24, с. 41], однако на карте Казани 1739 г. есть село, но кладбище не обозначено. Оно появляется на плане 1768 г. Таким образом, можно предположить, что кладбище возникло в промежутке между этими датами, но следует учитывать, что иногда на планах не отмечались некоторые места, особенно на окраинах.

Согласно указу Екатерины II от 24 декабря 1771 г., умерших запрещалось хоронить в городах, а предписывалось отводить для этого земли за городом [14, с. 409]. Кладбище должно было размещаться не ближе ста саженей от крайнего городского дома [17, с. 262]. Возможно благодаря этим указам, Архангельское кладбище стало крупным казанским некрополем. Оно располагалось вне Казани, но достаточно близко к ней (чтобы перевозка тела не представляла особенных трудностей). В то же время его местоположение удовлетворяло и указам, по которым кладбища должны были располагаться за поселением. Городские кладбища обязательно огораживались заборами и плетнями [17, с. 263]. По мере роста городского населения расширялась и кладбищенская территория. Согласно законодательству, разрешением главноуправляющего землеустройством и земледелием под эти цели безвозмездно отводился участок казенной земли [17, с. 263].

Прямо в слободе находились дома гарнизонного батальона. Однако военные среди погребенных не встречаются. На Архангельском хоронили членов их семей (детей, жен) и отставных солдат. Например, в 1821 г. погребено 5 членов семей военных и 3 отставника [10, л. 9–15].

Село долгое время находилось во владении Казанского архиерейского дома. При нем состоял штат из 60 служителей. Они жили в ближайших селах, в том числе Архангельском. Священнослужители имели привилегии, например, по освобождению от военного постоя. Однако власти в

1787 г. стали размещать в домах молодых служителей солдат. Такое нарушение прав, естественно, не понравилось духовенству, и эконом архиепiscopalного дома обратился к архиепископу Амвросию. Однако чем закончилось дело неизвестно [2, л. 75]. В том же 1821 г. на кладбище похоронено 7 представителей духовенства из прихода Михаило-Архангельской церкви [10, л. 9–15].

До середины XIX в. большинство прихожан составляли крестьяне. Почти половину из всех отпетых в Архангельской церкви и похороненных на местном кладбище в течение 1821 г. составляли именно представители земледельческого сословия.

На Архангельском кладбище хоронили людей из приходов Духосшестввенской и Борисоглебской церквей, расположенных поблизости. Руководство кладбищем осуществляло духовенство Михаило-Архангельской церкви. Оно выполняло отпевания, а хозяйственной частью, вроде распределения мест, копания могил, занимался сторож.

Церковь в деревне соорудили вскоре после завоевания Казани – сначала деревянную, потом каменную [20, с. 180]. Неизвестно, как она выглядела изначально и какие имела приделы. Описания церкви появляются лишь с XVIII столетия. Храм был выстроен в форме куба, перекрытого куполом, имелась ярусная колокольня начала XVIII в. Главный придел – Михаила Архангела, правый – Казанской иконы Божией Матери, левый – Николая Чудотворца. В 1882 г. восьмигранную двухъярусную колокольню заменили новой – псевдодатровой [27, с. 63].

Кроме Архангельской слободы в приход церкви входили села Ометьево и Гора [2, л. 40]. В 1865 г. часть жителей выселилась, и образовала так называемый Архангельский выселок, вошедший в приход [19, с. 66]. В последующем он включен в состав города и стал Дальнеархангельской улицей. К началу XX в. в приходе насчитывалось 130 дворов, 231 мужчина и 263 женщины. Кроме них здесь проживали 147 раскольников. В церковно-приходской школе училось 38 мальчиков и девочек [22, с. 96].

Причт храма и город не получали никаких доходов с кладбища. И священнослужители со своими семьями жили на жалованье от государства. В 1900-е гг. оклад священника Андрея Спасского составлял 300 рублей в год, псаломщика Николая Невзорова – 100 [18, с. 48]. У церкви не было своих сельскохозяйственных земель, поэтому с прихожан взималась «руга». В данной церкви она составляла 15 четвертей гречи и ржи [2, л. 40].

До 40-х гг. XIX в. служители церкви не имели фиксированного дохода, живя исключительно на средства, поступающие от прихожан. Сохранилась жалоба священника Степана Николаевича Чернышева за сто лет до этого на неуплату руги (ежегодные выплаты прихожан церковным причтам хлебом или деньгами), и как следствие отсутствие средств на его содержание. Он сообщает, что приход церкви составляют, главным образом, экономические крестьяне и немного монастырских служителей, мещан и цеховых. Последние две категории представлены в основном старообрядцами и часовенны-

ми, а потому с них никакого дохода не поступало. Ругу не платили и жители самого Архангельского, в итоге жалование священнику формировалось только за счет крестьян Ометьево и Горы. Этого явно было недостаточно [3, л. 2–2 об.]. В то же время крестьяне этих сел во главе с церковным старостой обвиняют Чернышева в израсходовании церковных сумм на свои нужды и просят уволить его [4, л. 1]. В итоге дело затянулось. Оно было закончено лишь в связи со смертью Чернышева в 1821 г.

Скандалы со священниками возникали и позже. В частности Стефан Иосифович Любимов был обвинен в том, что дал умереть двум младенцам без крещения. Этот проступок не остался без последствий: Любимов был отправлен на епитимью в Седьмиозерную пустынь, а затем переведен на священническое место в село Волчья слобода Чистопольского уезда [5, л. 3].

Надзор за городскими кладбищами возлагался на полицию. Запрещалось «под опасением ответственности по законам уголовным, прежде осмотра судебно-медицинского, предавать земле» тела умерших от отравления, с признаками насильственной смерти или по умерших по неизвестным причинам, мертвых новорожденных младенцев и т. д. [17, с. 264]. Во время эпидемий контроль над кладбищем усиливался, так как при несоблюдении норм погребения существовала вероятность распространения болезней [17, с. 263].

В 1864 г. по инициативе духовенства управление кладбищем переходит в руки Казанской городской думы. В июле этого года кладбищенский сторож, казанский мещанин Петр Сергеев, осматривая вверенную ему территорию, обнаружил, что в одну из вновь приготовленных могил был опущен большой гроб, окрашенный голубой краской и несколько не присыпанный землей, оставленный без призора родственников. Получив доклад об этом происшествии, священнослужители выяснили, что таким способом был похоронен житель села Ковали Михаил Карпов, обосновавшийся на Узенькой улице в доме казанского мещанина Михаила Лукоянова Пустотинцева. В результате инцидента священник Архангельской церкви просил городскую думу принять кладбище на свое попечение, поскольку никакой материальной пользы храму она не приносила, кроме незначительного дохода сторожу, а брать на себя ответственность за подобные нарушения он не хотел. Здесь же он перечисляет все беспорядки: прихожане сами, с целью экономии, роют могилу зимой, когда трудно копать, не вырывают положенной глубины, закрывают мерзлой землей, которая оттаивает весной, могила обваливается и появляется запах. Часто не оставляют записки от причта об отпевании тел и оставляют эти записки в так называемых общих могилах, где сторож на следующий или третий день, ее вынимает. Случалось, что хоронили и не отпетого [8, л. 6–7 об.].

Дума согласилась на поступившее предложение. В том же году назначается попечитель кладбища – казанский мещанин Иван Федорович Самарцев [24, с. 44]. Эта должность, судя по всему, не приносила большого дохода, а назначенные лица всячески старались от нее избавиться, к

тому же чаще всего это были занятые купцы. Кандидатуру попечителя определяли на заседаниях думы, но от избранного требовалось получить согласие. С середины 90-х гг. XIX в. началась чехарда попечителей. В 1895 г. казанский цеховой Дмитрий Степанович Войлошников просит городского голову не продлевать ему срок на пребывание в должности попечителя Архангельского кладбища, поскольку это отвлекало его от «своих присущих обязанностей» [6, л. 1]. Его приемник – Егор Никитич Игнатьев – умирает через два года, и его место временно, до избрания нового попечителя, замещает городской комиссар Чистов, который остается на посту год. Городская управа просит думу поскорее провести выборы, поскольку комиссар отвлекается от исполнения своих прямых обязанностей.

10 июня 1898 г. попечителем избран Егор Егорович Софронов, но через месяц он отказывается от должности, так как она мешает его торговой деятельности [6, л. 9]. Последующие избранники думы не желают принимать на себя обязанности попечителя. «Смутное время» Архангельского кладбища заканчивается только в 1904 г., когда его попечителем, вплоть до 1917 г., становится Алексей Алексеевич Курицын.

С переходом кладбища в городское хозяйство стали более упорядочено вестись финансовые вопросы. В 1864 г. была установлена такса за погребение такая же, как на Арском кладбище. Однако, если для людей обеспеченных она составляла 60 копеек, то для бедных снижалась до 20–40 копеек, а некоторых хоронили бесплатно [9, л. 2–36 об.]. Все доходы кладбища составляла плата за рытье могил, однако это были несущественные суммы (табл.).

Таблица

Доходы Архангельского кладбища за 1868 г. [9, л. 2–36 об.]

	Похоронено, чел.	Приход денег, руб.
Январь	30	15,5
Февраль	26	13,11
Март	28	21,9
Апрель	31	13,72
Май	28	7,96
Июнь	30	8,22
Июль	40	10,93
Август	32	9,32
Сентябрь	17	8,95
Октябрь	18	5,8
Ноябрь	22	15,6
Декабрь	15	9,55

Основные доходы тратились на выплату жалованья сторожам, изготовление крестов, а также на мелкие траты (покупка гвоздей, свечей, керосина, уборка снега) и на другие мероприятия по содержанию кладбища в надлежащем порядке. Например, в ноябре 1902 г. было израсходовано 38

рублей, а на Арском кладбище за тот же период – 473,94 рубля [7, л. 173]. До середины 80-х гг. XIX в. попечитель самостоятельно расходовал суммы из доходов кладбища, а остатки отправлял в городскую управу. Однако в 1883 г. ревизионная комиссия указала, что все полученные деньги следует сразу выдавать управе, которая затем выдает требуемые суммы попечителю. Такая система приводила к бумажной волоките, но позволяла управе контролировать денежные потоки.

Небольшие суммы, видимо, привлекали священников. В 1886 г. в думу обратилось попечительство при приходе Михаило-Архангельской церкви. В заявлении говорилось, что дела на кладбище запущены, не соблюдаются правила, по которым бедняки должны быть погребены бесплатно, цены за могилы произвольно повышаются. Попечительство просило передать управление кладбищем ему и причту Михаило-Архангельской церкви, обещало привести кладбище в порядок, а на получаемые доходы открыть церковно-приходскую школу. Однако дума отклонила данное ходатайство [24, с. 45].

Выше отмечено, что большинство похороненных на погосте составляли крестьяне. Со временем, после вхождения села в состав города, процент городских сословий возрастает. По данным за январь 1868 г. на Архангельском кладбище упокоилось 12 мещан, 5 крестьян, 2 цеховых (ремесленника) и 2 вдовы унтер-офицеров [9, л. 2–36 об.]. Краевед Н.Я. Агафонов, обследовавший казанские кладбища, приводит 23 имени, которые он обнаружил на Архангельском кладбище [1, с. 58–113]. Он сумел собрать некоторые сведения об этих лицах. Он сообщает, что купец Василий Иванович Серебряков – бакалейный торговец, Давыд Дубровин – суконщик, но на фабрике не работал, а с малых лет был взят в фабричную контору и там стал писцом [13, с. 476, 478]. Купец Борис Андреевич Андреев пользовался большим уважением при жизни. «На вид представительный, степенный, борода красивая, семья покорная, слуги исполнительные и нарядные, – словом ему очень завидовали, считая его типом древнего русского боярина» [13, с. 479]. Однако после своей смерти он оставил только долги сыну Поликарпу, который от горя и пьянства вскоре умер.

Могилы Самарцевых, по замечанию Агафонова, разбросаны по всему кладбищу, на далеком расстоянии друг от друга [13, с. 476], хотя они приходились друг другу родственниками. Следует отметить, что все они различались по сословной принадлежности: Иван Федорович был мещанином, Николай Федорович – купцом, а Федор Степанович – служителем архиерейского дома. У Агафонова находим, что отец похороненного здесь в 1847 г. мещанина Василия Харитоновича Рябчикова – Харитон Лазаревич – был в свое время могильщиком и «единственным старцем-распорядителем сего кладбища всю почти жизнь» [13, с. 476].

Церковь зачастую выступала не только как сосредоточение духовной жизни окрестных улиц, но и как общественный центр. В Михаило-Архангельскую церковь, как один из городских храмов, в 1917 г. была

привезена Смоленская икона Божьей матери, и прихожане могли придти почтить святой образ [12].

После Октябрьской революции кладбища передают в ведение Совдепов, а регистрация смерти стала проводиться ЗАГСами. Плата за места на кладбище отменяется для всех граждан, вне зависимости от имущественного и социального положения устанавливались единые похороны. Религиозные обряды при похоронах разрешались, но оплачивались дополнительно [16, с. 1275–1276]. По новым санитарным нормам запрещалось устраивать кладбища рядом с общественными зданиями, к которым относились и церкви. Таким образом, были ликвидированы многие монастырские кладбища и расположенные рядом с храмами. Архангельское кладбище не попало в их число, поскольку находилось в стороне от жилых домов и церкви.

30 октября 1998 г. на Архангельском кладбище открывается Мемориал жертвам политических репрессий, устанавливаются каменные стелы с перечислением имен расстрелянных с 1929 по 1942 гг. Место было выбрано символически, поскольку точных сведений о похороненных здесь репрессированных не имеется. Их хоронили не только на Архангельском кладбище, но и на Арском, на территории порохового завода [26, с. 32]. По предположению краеведа Л.М. Жаржевского, упоминаемое в одном из актов чекистов о захоронении расстрелянных Дальнее кладбище и есть Архангельское [23].

Репрессированных хоронили не только на самом кладбище, но и рядом с ним. После взятия Казани в сентябре 1918 г. большевиками, начались массовые расстрелы подозреваемых в пособничестве белым. Иногда под прицел брали людей, чья вина заключалась только в принадлежности к высшим сословиям. Такая судьба постигла и выдающегося земского деятеля, члена III Государственной думы дворянина Александра Николаевича Боратынского. Он был расстрелян 19 сентября 1918 г. «между полотном новой самарской ж.д., Архангельским кладбищем и полуобгорелой избушкой сторожа» [21, с. 434]. Расстрелянных закапывали тут же, но родственники погибших зачастую забирали тела и хоронили их подобающе. Не все погибшие смогли обрести покой на кладбищах, и, вероятно, много трупов осталось на месте расстрелов. На Архангельском кладбище похоронены видные советские культурные, политические деятели М.М. Вахитов, Г.Г. Ибрагимов, А.А. Павлюхин.

По воспоминаниям жительницы Казани А.А. Дудкиной о Великой Отечественной войне, она, помогая маме в военном госпитале после школы, наряду с взрослыми ездила на Архангельское кладбище хоронить умерших солдат [25]. Кладбище обслуживало госпитали и больницы города. В связи с ростом числа погребений, возникла острая необходимость расширения существующей территории. Поскольку к югу от кладбища находились жилые дома, а в сторону озера Кабан – культурное хозяйство отделов рабочего снабжения, то главный городской архитектор Копец по-

становил передвинуть северо-восточную границу, тем самым увеличив ширину до 235 метров [11, л. 1]. Расширение сопровождалось постройкой нового ограждения с заменой старого, обветшавшего. Присоединение территории должно было осуществляться в соответствии с заключением геолога. Прирезанная земля с севера была занята огородами, с юга – территорией номерного завода. На местах выработок существовавшего здесь еще в дореволюционный период кирпичного завода образовались заболоченные ямы глубиной до трех метров, которые разделялись более возвышенными участками. Но в целом грунтовые и гидрогеологические условия не препятствовали использованию участка для захоронений [11, л. 3]. В наиболее углубленных точках кладбища захоронения не допускались, а свободные участки подлежали интенсивному озеленению [11, л. 2].

На данный момент кладбище является одним из крупнейших казанских некрополей, символическим местом захоронения репрессированных граждан. Церковь Михаила Архангела была разрушена в 1930-х гг., но в 2007 г. на самом кладбище на средства мецената С.В. Золотова воздвигнута часовня в честь Архистратига Михаила.

За более чем двухвековую историю Архангельское кладбище прошло путь от погоста пригородного села до одного из основных кладбищ Казани. Вплоть до революции на нем хоронили в основном небогатых и неименитых обитателей округа, затем ему суждено было стать местом упокоения расстрелянных в годы Гражданской войны, а также местом поминания репрессированных во время Сталинского правления. Во время Великой Отечественной войны она стало последним приютом для многих погибших советских военнослужащих. Пожалуй, главной причиной, по которой это кладбище не исчезло, как это случалось даже с крупными местами захоронений, стало выгодное положение на окраине города, но в то же время рядом с густозаселенной Суконной слободой. Оно не создавало угрозу эпидемии для Казани, но принимало тела многих умерших. Архангельское кладбище стало местом символического примирения различных слоев общества. Здесь установлены памятники репрессированным, похоронены советские революционеры, стоят стелы с именами погибших советских солдат Второй Мировой войны и захоронения плененных воинов-иностранцев Первой Мировой войны

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Н. Казань и казанцы. Ч. 1. Казань: Типолитограф. И.С. Перова. 1906. 114 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 4. Оп. 48. Д. 42.
3. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 357.
4. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 391.
5. ГА РТ. Ф. 7. Оп. 82. Д. 103.
6. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1902.
7. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 1027.
8. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3792.

Миронова Е.В. Архангельское кладбище Казани:
опыт исторического исследования

9. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 4468.
10. ГА РТ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 1.
11. ГА РТ. Ф. Р–1583. Оп. 2. Д. 527.
12. Камско-Волжская речь. 1917. 21 июля.
13. Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 218.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Спб., 1830. Т. XIX. 1770–1774. 1089 с.
15. Писцовая книга Казанского уезда 1647 – 1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. 541 с. // Форум Татарского исторического архива. URL: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=254.0> (дата обращения – 18.02.2018).
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
17. Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб.: Русское книжное товарищество Деятель, 1912. Т. 13 (Устав медицинской полиции). 353 с.
18. Справочная книга Казанской епархии. Казань: типолит. А.М. Петрова, 1904. 795 с.
19. Алиев И.А. Старая Казань и её окрестности. Казань: Идел-Пресс, 2014. 375 с.
20. Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и её слободы. 2-е изд. испр., доп. Казань: Заман, 2016. 208 с.
21. Боратынская К.Н. Мои воспоминания. М.: Альта-Принт, 2007. 538 с.
22. Елдашев А.М. Казанский некрополь. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 380 с.
23. Жаржевский Л.М. Ботанический сад Казани: тяжба за землю, расхищение и чекистские расстрелы. // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/90682-botanicheskiy-sad-i-arhangelskoe-kladbische-kazani> (дата обращения – 1.03.2018).
24. Липаков Е.В., Афонина Е.В. История казанских кладбищ. Казань: Ритуал, 2005. 79 с.
25. Недетские воспоминания детей войны // Казанские ведомости. 2015. 23 июня. URL: <http://www.kazved.ru/article/61979.aspx> (дата обращения – 19.02.2018).
26. Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое знание, 1999. 312 с.
27. Фролов Г.В. Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. 124 с.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); yelena.mironova@yandex.ru

**ARKHANGELSK CEMETERY OF KAZAN:
EXPERIENCE OF HISTORICAL RESEARCH**

Ye.V. Mironova

*Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
yelena.mironova@yandex.ru*

The article describes the transformation of the Arkhangelsk cemetery from the graveyard of a suburban village into a large urban necropolis. The cemetery existed from the middle of the 18th century at least. Originally it served the village of Arkhangelsk and the nearby area villages, which belonged the parish of the local Michael-Arkhangelsk church. However, starting from the 19th century it was used as a place where the dead of the urban Sukonnaya Sloboda had been buried after that it was included in the city territory. Until the middle of the 19th century, the state of the cemetery was hardly taken care of, and often funerals were committed without any regard for and compliance with sanitary regulations. Only upon the transition to the jurisdiction of the Kazan City Council, the affairs of the cemetery began to be put in order. In the Soviet years it becomes the last refuge for the repressed and dead Soviet servicemen during the Great Patriotic War. Its territory expands, but the terrain and the nearest buildings do not allow this process to move on. Currently the cemetery is one of the largest necropolises of Kazan. The author justifies such increased significance of the cemetery by its favorable location and by the fact that it became a memorial for the repressed and dead soldiers of the Great Patriotic War.

Keywords: Kazan, Arkhangelsk cemetery, necropolises, Arkhangelskoye village, Mikhailo-Arkhangelsk church, the repressed

For citation: Mironova Ye.V. Arkhangelsk Cemetery of Kazan: Experience of Historical Research. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 137–148. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.137-148

REFERENCES

1. Agafonov N. *Kazan' i kazantsy* [Kazan and Kazan Residents]. Chapter 1. Kazan, I.S. Perova Publ., 1906. 114 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan (GA RT)* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. . In. 48. No. 42. (In Russian)
3. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. In. 1. No. 357. (In Russian)
4. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 4. In. 1. No.391. (In Russian)
5. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 7. In. 82. No. 103. (In Russian)
6. *GART* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 98. In. 3. No. 1902. (In Russian)

7. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 98. In. 4. No. 1027. (In Russian)
8. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 114. In. 1. No. 3792. (In Russian)
9. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 114. In. 1. No. 4468. (In Russian)
10. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond 847. In. 1. No. 1. (In Russian)
11. *GA RT* [State Archive of the Republic of Tatarstan]. Fond R–1583. In. 2. No. 527. (In Russian)
12. *Kamsko-Volzhsкая rech'– Kamsko-Volzhsкая Speech*. 1917. July 21. (In Russian)
13. *Otdel redkikh rukopisey i knig Nauchnoy biblioteki im. N.I. Lobachevskogo* [Department of Rare Manuscripts and Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library]. No. 218. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649]. St. Petersburg, 1830. Vol. 19. 1770–1774. 1089 p. (In Russian)
15. *Pistovaya kniga Kazanskogo uezda 1647 – 1656 godov: Publikatsiya teksta* [The Scribal Book of the Kazan District of 1647 – 1656: Publication of the Text]. Moscow, RAS Russian History Institute Publ., 2001. 541 p. Forum Tatarskogo istoricheskogo arkhiva. (In Russian) Available at: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=254.0> (accessed 18.02.2018).
16. *Sobranie uzakoneniye i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917– 1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR* [Collection of Legal Acts and Orders of the Government for 1917–1918. Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow, 1942. 1483 p. (In Russian)
17. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Russkoe knizhnoe tovarishchestvo Deyatel' Publ., 1912. Vol. 13 (Ustav meditsinskoy politzii). 353 p. (In Russian)
18. *Spravochnaya kniga Kazanskoy eparkhii* [Reference Book of the Kazan Diocese]. Kazan, A.M. Petrov Publ, 1904. 795 p. (In Russian)
19. Aliev I.A. *Staraya Kazan' i ee okrestnosti* [Old Kazan and its Environs]. Kazan, Idel-Press Publ., 2014. 375 p. (In Russian)
20. Bikbulatov R., Mustafin R. *Kazan' i ee slobody* [Kazan and its Settlements]. Kazan, Zaman Publ., 2016. 208 p. (In Russian)
21. Boratynskaya K.N. *Moi vospominaniya* [My Memories]. Moscow Al'ta-Print Publ., 2007. 538 p. (In Russian)
22. Eldashev A.M. *Kazanskiy nekropol'* [Kazan Necropolis]. Kazan, Center for Innovative Technologies Publ., 2009. 380 p. (In Russian)
23. Zhazhevskiy L.M. *Botanicheskiy sad Kazani: tyazhba za zemlyu, raskhishchenie i chekistskie rasstrel* [The Botanical Garden of Kazan: Litigation for Land, Plunder and Chekist Executions]. *Real'noe vremya*. (In Russian) Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/90682-botanicheskiy-sad-i-arhangel'skoe-kladbishche-kazani> (accessed 1.03.2018).
24. Lipakov E.V., Afonina E.V. *Istoriya kazanskikh kladbishch* [History of Kazan Cemeteries]. Kazan, Ritual Publ., 2005. 79 p. (In Russian)

25. Nedetskie vospominaniya detey voyny [Unchildlike Memories of Children of War]. *Kazanskie vedomosti – Kazan Gazette*. 2015. June 23 (In Russian). Available at: <http://www.kazved.ru/article/61979.aspx> (accessed 19.02.2018).

26. Stepanov A.F. *Rasstrel po limitu: Iz istorii politicheskikh repressiy v TASSR v gody «ezhovshchiny»* [Shooting at the Limit: From the History of Political Repression in the Tatarstan during the “Yezhovschina” Years]. Kazan, Novoe Znanie Publ., 1999. 312 p. (In Russian)

27. Frolov G.V. *Putevoditel' po khramam i monastyryam goroda Kazani* [Guide to the Temples and Monasteries of Kazan]. Kazan, Center for Innovative Technologies Publ., 2005. 124 p. (In Russian)

About the author: Yelena V. Mironova is a Candidate of Science (History), Research Fellow, the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); yelena.mironova@yandex.ru